

УДК 93/99; 94(315)

УТОПИЗМ И ЛИБЕРАЛИЗМ: ОСНОВАНИЯ КРИТИКИ И ОПЫТ АПОЛОГИИ

Мартынов Д.Е., – к. и. н.

Казанский Государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина

В статье рассматривается оппозиция утопических и либерально-демократических теорий общественного развития. Данная оппозиция имеет структурный характер. Таким образом, разногласия утопизма и либерализма возможно рассматривать в терминологии научного метода. Фундаментальное разногласие между утопизмом и либерализмом должно, таким образом, рассматриваться в терминах теории познания и её производной – научного метода. Подход любого утописта обязательно будет рационалистичным, внутренне последовательным и тотальным.

The opposition of utopianism and the theory of liberal democracy have rather deep roots, having structural character. Its basis becomes the epistemology bases: incompatibility and a competition of representations concerning the nature of social knowledge and social life. The fundamental disagreement between utopianism and liberalism should be considered in epistemological terms and its derivative – a scientific method. The approach of any utopian it will be obligatory rationalistic, internally consecutive and total. Modern stream in philosophy of a science, however, create "climate" more favorable for rationalism, as makes possible apologia for Utopia as way for social theory.

Оппозиция утопизма и теории либеральной демократии имеет весьма глубокие корни, нося структурный характер. Основой её станут гносеологические основания: несовместимость и конкуренция представлений относительно природы социального знания и социального бытия. Естественно, что такая постановка вопроса возможна только в западной социальной науке и превосходные её образчики представлены в работах Дж. Катеба и Ч. Брайтона, к которым мы и отсылаем читателя [2; 9].

Наиболее распространённое истолкование термина «утопия» восходит к значению *εὐτοπία* – «хорошего места». В англоязычном мире это понятие связывается преимущественно с литературой, так что Британская энциклопедия предлагает такое определение: «*Утопия* – идеальное общество, чьи обитатели наслаждаются благоденствием и счастьем. Также термин исполь-

зуется для обозначения *visionary reform*, которая должна устранить недостатки человеческой природы» [3, Vol. 22, с. 913-914].

Утопия – «царство человеческой надежды» (термин Э. Блоха). Проявления утопизма чрезвычайно многообразны, однако историческая и социологическая науки предлагают оппозицию идеологии и утопии, основанную на функциональной разнице. Классическое определение утопизма предложил в 1929 К. Мангейм. В его понимании утопическим является такой способ мышления, который имеет тенденцией полное или частичное разрушение социального порядка, существующего на данный момент [12, с. 173; ср.: 25, с. 164].

Характерно, что в определении Мангейма невозможно корректно отделить утопизм от реформизма. Это разделение было предложено позднее К. Поппером в «Открытом обществе и его врагах». Таким образом, можно уточнить определение Мангейма. Утопизм может быть охарактеризован как разновидность социальной критики, отталкивающейся от индивидуального понимания идеального социального бытия, т.е. как альтернативное устройство общества. К. Мангейм совершенно прав, утверждая, что любая утопия претендует на практическую реализацию. Утопическое сознание неизбежно станет разновидностью идеализма, однако расстояние, отделяющее идеал от его реализации, может быть весьма значительным.

Очевидно, что либеральные критики утопизма много занимались теоретическими вопросами. К сожалению, для большинства работ характерен анализ разногласий между либерализмом и утопизмом (рассматриваемых здесь как идеальные типы по М. Веберу) с некоторым уклоном в утрированное представление особенностей утопического мышления и утопических доктрин. Однако не станем забывать о том, что либерализм прежних времён – также разновидность утопии, создаваемой многими поколениями незауряд-

ных мыслителей [6; 11; 14]. Важнейшей претензией, предъявляемой мыслителями-либералами утопизму является, – отождествление утопизма с тоталитаризмом.

Платонизм, фашизм и утопизм. Первичной формой либеральной атаки на утопическую мысль стали распространённые в 1930-х гг. исследования, прослеживающие связи между классиками, нацистской идеологией и давно усопшими мыслителями. Так, в 1937 г. Ричард Кроссман осмелился на весьма двусмысленный эксперимент, написав диалог, «состоявшийся» между Платоном¹, И.В. Сталиным и А. Гитлером. Все трое оказались вполне лояльны по отношению друг к другу [15].

По мере разработки теории тоталитаризма, начали «проявляться» тоталитарные тенденции в творчестве мыслителей прежних эпох – от энциклопедистов до К. Маркса [22, с. 58-59; 10].

Классиками этого подхода стали К.Р. Поппер и менее известный у нас Дж.Л. Тэлмон. Как правило, новые работы, появившиеся после трудов классиков, повторяли их заключения. Фундаментальное обвинение было таково: утопическая мысль *en masse* – элитаристская и авторитарная, противоположная идеалам и разрушающаяся в условиях «открытого общества» [1, с. 2; 13].

Нападки на утопизм часто представляют своего рода резюме атаки на тоталитаризм вообще [4]. Важность подобного рода работ – в критическом анализе различий между либерально-демократическим и утопическим способами

¹ Великий философ-персоналист и исследователь идеологии и утопии П. Рикёр (1913 – 2005) в своих «Лекциях по идеологии и утопии», основываясь на трудах Манхейма, утверждал, что до Ренессанса, точнее до Крестьянской войны в Германии утопизма как такового не существовало. Цитирую: «...Основной критерий здесь – осуществимость... Это – причина... не рассматривать «Законы» и даже «Государство» Платона как утопии. Можем ли мы вообще говорить об утопиях до наступления Ренессанса, или же момент появления утопии зависит от этого уникального соединения между трансцендентным идеалом и восстанием угнетёмого класса?» [17, с. 276].

мышления, которые заслуживают самого пристального внимания².

Возвращаясь к сюжету, с которого мы начали данный раздел: К. Поппер отрекся от «утопической инженерии», основанной на априорной рациональности – платонической концепции эйдосов, причём следование идеальным образцам должно постепенно привести к ликвидации социального зла [16, с. 157-168]. Именно поэтому он так осуждал платонизм (а вместе с ним и марксизм) – за попытку наложения индивидуального эстетического видения на картину общества. Таким образом, согласно Попперу, утопия требует от общества превращения этого последнего в «чистый холст»... Как представляется нам, Поппер чрезвычайно тонко уловил *издержку* утопизма. Таким образом, мы всё-таки имеем дело с методическим недоразумением.

Развитие представленной идеи предстаёт в работе упомянутого Дж. Тэлмона. Он разделяет эмпирический либеральный подход в противоположность мессианству тоталитарных мыслителей. При этом он особое внимание уделяет понятию «тоталитарной демократии», которое применяет по отношению к мыслителям рубежа XVIII – XIX вв., многие из которых были утопическими социалистами. Он заключает, что тоталитарные демократы были весьма взыскательны к ценностям либерального индивидуализма и, как это ни парадоксально, они «удалили» посредников между человеком и государством – институты. Но это приводило к социальному конформизму, который достигался принудительной политизацией общества [20, с. 2-7; 21, с. 19-24]. Таким образом, господство ничем ограниченных «прав личности» для Тэлмона является тоталитаризмом, поскольку влечёт за собой преследование противников общего мнения, а в перспективе – удаление всех сколько-нибудь выдающихся личностей за пределы социума [20, с. 7]. Кроме того, понятие челове-

² Так, например, Ф. Хайек ещё в 1944 выделил отличие друг от друга оппозиций «либерализм – тоталитаризм» и «демократия – авторитаризм». См. [7].

ческого совершенствования уничтожает конфликт между спонтанностью личности и социальными обязанностями, – основную движущую силу общества. Важным открытием Тэлмона явилось понимание несовместимости свободы с правосудием и безопасностью. Прокрустово ложе: либеральное государство крайне ограничивает пространство сознательного выбора личности, тоталитарное – уничтожает законы, гарантирующие права и свободы...

Одной из ценностей либеральной демократии является спонтанность. Ф. Хайек свою доктрину строил именно на её основе. Не отрицая утопизма, он при этом осуждал «конструктивистский рационализм», утопический по генезису. Хайек противопоставляет «каталлаксию», общество абсолютно свободного рынка, – организованным сообществам вообще, ибо автокаталитический порядок является более сложным, следовательно, имеющим больше потенций для развития, нежели общество «запланированной договорённости» [8]. Впрочем, Б. Гудвин утверждала, что апология хайековской каталлаксии «до некоторой степени основана на эстетическом подходе к эмпирическому методу» [5, с. 387].

Интересным выводом из охарактеризованных доктрин будет следующий: и Тэлмон и Хайек в равной степени демонстрируют натуралистический антирационализм. При этом недоверие к рационализму личности проявляется немедленно, стоит только этой последней обратиться от собственных интересов к теоретической рефлексии. Впрочем, не менее очевидно, что для этих мыслителей общество – некий живой организм, но не механизм; этим перекрывается возможность любых рациональных действий.

Следует упомянуть работу Леонарда Шапиро, который провёл типологию отрицательных характеристик утопизма (он определял утопизм как разновидность тоталитаризма):

1. Утопист озабочен конечным результатом и безразличен к средствам

его достижения;

2. Утопист рассматривает личность и общество как нераздельные элементы;

3. Утопическое мышление всегда догматично;

4. Утопист всецело сосредоточен только на вопросах управления;

5. Утопист пренебрегает разнообразием человеческих типов.

Однако Л. Шапиро находит и оправдание для утопизма, хотя только одно: ни один утопист не притворялся демократом, так как в любой утопии властная система основана на моральной беспорочности правительства [18, с. 85-90].

Итак, либеральное мировоззрение выдвигает на первый план контраст между политическими механизмами либеральной демократии, и механизмами, предлагаемыми утопистами: исключение свободы выбора и потребность в элитном управлении или диктатуре. Сюда же следует добавить либеральное убеждение, что для достижения Утопии прямо-таки необходимо принуждение. Но это, – характеристика авторитаризма, а не утопизма.

Эмпиризм и рационализм. Как было видно из предыдущего раздела, основная претензия либерализма к утопизму (понимаемому как тоталитаризм) начинается с предельно общих оснований: претензий на Абсолют. Действительно, утопическая гносеология абсолютна, т.е. неизбежно является идеалистической. Уже Т. Мор не скрывал параллелей между своей «Утопией» и Платоновским «Государством». И речь не идёт об эйдетической теории мироздания. Гораздо чаще утописты эпохи Просвещения – атеисты и деисты, окончательным основанием системы ценностей делали человека. XVIII век породил моральные истины, которые к человеческой сущности относились так же, как научные законы описывали сущность природы. От абсолютного понятия о человеке утописты выводили теорию идеальной социальной орга-

низации и государства. В 1962 г. Ч. Уолш попытался выделить основные гносеологические предпосылки, разделяемые большинством утопистов. Их оказалось девять:

1. *Человек по своей природе добр*, причина имеющихся недостатков – не в низменности человеческой природы, а неблагоприятные условия жизни;

2. *Человек пластичен по своей природе*, т.е. меняется сам в меняющихся условиях;

3. *Нет неустраняемого противоречия между благом индивида и благом общества*;

4. *Человек – существо разумное*, способное становиться разумнее с течением времени, поэтому принципиально возможно устранить абсурд общественной жизни и установить рациональный порядок;

5. *В будущем имеется ограниченное количество возможностей, которые полностью поддаются предвидению*;

6. *Следует стремиться обеспечить каждому человеку счастье на земле*;

7. *Человек не способен пресытиться счастьем*;

8. *Возможно найти справедливых правителей*, или по крайней мере научить справедливости избранных для правления;

9. *Утопия не угрожает индивидуальной свободе*, ибо «подлинная свобода» осуществляется в её рамках [23, с. 23 и далее].

У. Станкевич справедливо заметил, что либеральная критика абсолютных ценностей утопии более сосредоточена на очевидной произвольности этих ценностей, нежели опровержения существования абсолютных понятий вообще. Ценности, покоящиеся на интуиции или вдохновении, не поддаются критике [19, с. 28]. Однако на это У. Станкевич сам же и возражал: большинство утопистов устанавливали идеальные стандарты интуитивно, однако эти

мыслители – порождение современной им политической и социальной системы, так что свои принципы они отнюдь не черпали из вакуума или Абсолюта. Таким образом, оказывается, что либеральных критиков более всего беспокоят не субъективизм утопистов относительно выдвигаемой системы ценностей и не абсолютный характер этой последней. Намного опаснее оказываются эксклюзивистские (англ. *exclusivist*) склонности.

Б. Гудвин справедливо отмечала, что любой утопист полагает свой идеал уникальным, хорошим *a-priori*, а это, в свою очередь, «подразумевает желание или намерение исключить все другие возможные социальные формы» [5, с. 289]. Последнее бросает вызов следующим либеральным утверждениям:

1. Идее, что истина в политике – величина переменная, могущая в лучшем случае быть приблизительно установленной путём регулярных демократических выборов;

2. Убеждению в общественной потребности в терпимости (*tolerance*) ко всем оттенкам мнений, даже ошибочным, это и есть идеал Открытого Общества;

3. Убеждению, что гетерогенное общество способствует многообразию идей и мнений, что и является индикатором «социального здоровья» [там же].

Отсюда следует, что основа либеральной критики утопизма действительно базируется на гносеологических основаниях, а именно, на несовместимости эксклюзивизма с научным эмпиризмом. В основе всех перечисленных ценностей – относительности идеалов, терпимости, плюрализма и невмешательства – лежит эмпирический метод, заимствованный из социологии. Неважно, будет ли это явный индуктивизм ранней естественной науки Нового времени, или утончённый попперовский метод дедуктивного испытания теории и фальсифицируемости – неэмпирический метод утопистов предаётся анафеме. Действительно, утопическая теория в принципе неverifiedируется и не

поддаётся Попперовскому методу фальсификации, просто потому, что имеет дело только с возможным, а не вероятным. Заключение, полученные из утопической гипотезы, не могут быть проверены опытом, основанным на существующей реальности. Интересной иллюстрацией (на литературном материале) здесь станет классификация модальностей неубежденности, предложенная польским писателем и философом-неопозитивистом С. Лемом (1921 – 2006):

Agnosis		Gnosis
<i>1. Вымышленные суждения (онтологические, эпистемологические, этические и т.д.)</i>	<i>2. Вымышленные фактические состояния</i>	<i>3. Невымышленные ретропрогнозы, прогнозы, гипотезы.</i>

(Модальность неубежденности в данном делении будет различна. Произведение (1) будет отмечено онтологической неубежденностью, то есть мир будет представлять собою изложение тезиса о природе бытия, а функцию дискурсивного высказывания выполнять демонстрация вымышленного универсума, построенного для того и так, чтобы своей природой *обозначать это суждение*. Понятно, что только в пространстве фантастической литературы автор может «отменить» существование реальности, заменяя её миром, который не является неким «фантастическим состоянием», а представляет собою сигнальный семантический аппарат. Таким образом, все объекты и свойства этого мира не становятся миром, но обозначают его, как слова в предложении. Писатель-реалист из данной ему реальности (в существовании которой он не сомневается) может лишь выбирать элементы, устанавливая связи между фактами по своему произволению, приводя к желательному сочетанию событий, насколько это допускается законами реальности) [24, с. 432].

Как учёный-рационалист осуждается эмпириками за то, что налагает внутренне последовательную гипотезу на материальный мир, вне зависимо-

сти от наличия свидетельств правоты этой гипотезы, так и утопист критикуется за попытку навязывания рационалистической априорной схемы на социальный мир, вопреки объективным данным и даже субъективным желаниям этого мира. (Последнее обстоятельство выводит нас на крайне сложную гносеологическую проблему: без предварительного наличия гипотезы/теории, пусть и не подтверждаемой в дальнейшем, учёный-эмпирик вообще будет не в состоянии интерпретировать факты, имеющиеся у него в наличии...)

Исходным пунктом утописта является собственная концепция человеческой природы, чаще всего отвечающая типологии Ч. Уолша, приведённой выше. Концепция природы человека даёт начало определению идеального бытия, откуда выводятся конкретные формы социальных институтов, реализующих этот идеал. И то и другое может быть только в том виде, в каком утопист-рационалист их постулирует, так как человеческое поведение настолько разнообразно, что эмпирический опыт фальсифицировал бы все заявления, претендующие на универсальность, и так предотвращал бы формулировку любого нового набора ценностей [5, с. 290].

Избранная либералом политическая практика кажется ему, – с позиции эмпирика и демократа, – более достойной, нежели требование утописта принять его теорию целиком, во всех мельчайших деталях, без предшествующего эксперимента. Утопист прямо-таки физически ощущает общество интегрированным целым, стирая либеральные различия между частным и общественным, экономическим, политическим и социальным. В этой системе каждый (даже кажущийся смешным, излишним) элемент – часть целого: он поддерживается другим элементом, или зависит от него [17, с. 302-303]

Свобода и общество потребления. Большинство современных либералов введено в заблуждение относительно характера и степени свободы в современном обществе. Исторически, индивидуализм, свобода выбора и много-

образии высказываемых точек зрения были важны для облегчения разрушения традиционного («закрытого») общества, и дифференцирования общественного продукта, что важно для развития капитализма. Таким образом, получилось так, что важнейшей из свобод современного западного общества – является *свобода потребления*. Большинство же утопий – отнюдь не потребительский рай. Настоящим же ужасом «общества равенства» является конец свободы выбора, хотя бы и потребительского.

Есть и более серьёзные следствия из сказанного. Очевидно, что утопическое общество не будет нуждаться в защите граждан от государственного аппарата и экономической элиты, следовательно, свобода в утопической системе ценностей автоматически встаёт на иное место, нежели в обществе либеральном. И здесь мы возвращаемся к традиционному обществу, хотя бы потому, что утопическое общество – априорно идеально, следовательно, его уникальность не допускает по определению ни оппозиции, ни реформирования, ни вообще какого-то бы ни было движения. Утопический «тоталитаризм» получается из лучших намерений автора – его гносеологической исключительности. Утопическое общество, как справедливо заметил П. Рикёр, – это всегда модель Абсолюта, не требующая никаких изменений [17, с. 305]. Но при этом ни один утопист не желал статичного общества! Из этого следует, что утопическая теория – никогда не есть «архитектурный проект» (что бы ни говорил его автор по этому поводу) – а только объект для размышлений.

Фундаментальное разногласие между утопизмом и либерализмом должно, таким образом, рассматриваться в терминах теории познания и её производной – научного метода. Подход любого утописта обязательно будет рационалистичным, внутренне последовательным и тотальным. Если бы этот утопист признал превосходство данных, получаемых из недр существующего общества опытным путём, он не смог бы выбраться за его пределы и исполь-

зывать альтернативные подходы. Над утопистом довлеет теория, не факт.

Интересно, что именно эта особенность в своё время позволила проявиться либерализму вообще как специальному способу мышления, безотносительно его содержанию.

Современные тенденции в философии науки, однако, создают более благоприятный для рационализма «климат», что и делает возможным апологию утопии как способа социального теоретизирования [26]. Это позволило Б. Гудвин предложить таблицу систем ценностей утопизма, либерализма и современного западного государства [5, с. 299] (см.: Табл. 1.). Колонка 1 таблицы показывает точку зрения утописта. Колонка 2 демонстрирует противостоящие идеалы либерально-демократического мировоззрения. Последняя колонка (третья) de-facto представляет собою апологию утопии по отношению к либеральной демократии. Предлагаемая схема позволяет доказать, что основания изложенной выше «либеральной» критики являются двойными, то есть ложными.

Таблица 1.

<i>Утопия</i>	<i>Либеральная демократия</i>	<i>Третья точка зрения на либерализм</i>
1. «Закрытое общество», нетерпимое к новым или оппозиционным идеям и попыткам реформирования. Является закрытым из-за гносеологического абсолютизма и тотального планирования.	1. «Открытое» толерантное общество (Поппер). Спонтанный его характер способствует открытости. Гносеология эмпирическая, планирование крайне ограничено или отсутствует.	1. Общество терпимо только к тому, кто ему не угрожает. Открытость указывает на отсутствие целей развития или обязательств перед гражданами. Дозволены мелкие разногласия <i>в пределах «генеральной линии»</i> .
<i>Утопия</i>	<i>Либеральная демократия</i>	<i>Третья точка зрения на либерализм</i>
2. Основана на явной и неподвижной концепции блага, диктующей	2. Общественная польза определяется гражданами посредством осу-	2. Практически и философски это невозможно, и не соответствует инте-

обществу его «реальные интересы».	щества ими демократического волеизъявления. Идеалы, приоритеты и проч. могут изменяться сообразно выбору и предпочтениям граждан.	ресам большинства – ибо определяется элитой. Указанные предпочтения обосновываются идеологически.
3. Природа общества – статичная, прогресс отсутствует. В утопии нет истории. По выражению Р. Дарендорфа это – «perpetuum immobile».	3. Прогрессивна по своей природе, отражает исторические изменения.	3. Прогресс ненаправленный и, по сути дела, случайный.
4. Целью общества является социальная гармония, игнорирующая индивидуальные различия людей; может привести к воцарению элиты, распространяющей свои интересы на всё общество или, напротив, к эгалитарному обществу насильственной однородности.	4. Демократия смягчает социальные конфликты. Мирное согласование интересов.	4. Конфликты не смягчаются; решения принимает самая сильная сторона (правящая партия). Скрытое насилие со стороны государства; граждане руководствуются навязанными ценностями.
5. Подданный утопии является пассивным потребителем благ, предоставляемых хорошим государством.	5. Теория государства основана на рациональных принципах и зиждется на активности деятельности граждан.	5. Рационалистическая концепция государства ограничена и абстрактна.
6. Государство (община) руководствуется надчеловеческими ценностями.	6. Государство ориентировано на человека и, следовательно, гуманно.	6. Индивидуализм привёл к разращению личности и непредсказуемым последствиям.
Утопия	Либеральная демократия	Третья точка зрения на либерализм
7. Государство не ориентировано на закон, закрыто для дискуссий и	7. Политическая деятельность граждан ощущается (по выраже-	7. Политическая апатия и полное невежество масс, сложность зако-

оппозиции.	нию Милиана, «новая демократия ликвидировала общественную апатию»).	нодательства и государственного механизма делает участие масс в политической деятельности бессмысленным.
8. Существуют пределы человеческого выбора.	8. В принципе, человек может делать всё, что угодно (как индивидуально, так и в группе).	8. Политические свободы для большинства абстрактны, ибо массы экономически несвободны.
9. Вероятно принуждение ради целей достижения всеобщей гармонии; невозможность возражения.	9. Не применяется принуждение (за исключением правонарушителей). Дозволена оппозиция, вызывающая конфликты.	9. «Толерантность» мнима, государство – является аппаратом насилия. Истинные демократы отвергают такое государство.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. *M.-L. Berneri. Journey through Utopia.* London: Routledge and Kegan Paul, 1950.
2. *C. Brinton. Utopia and Democracy // Utopias and Utopian Thought.* Ed. by F. Manuel. L.: Souvenir, 1973. P. 50 – 68.
3. *An Encyclopaedia Britannica. A New Survey of Universal Knowledge.* Chicago, L., 1960.
4. *C.J. Friedrich, M. Curtis and B. Barber. Totalitarianism in Perspective. Three views.* L.: Pall Mall, 1969.
5. *B. Goodvin. Utopia Defended against the Liberals // Political Studies.* 1980. Vol. XXVIII. №3. P. 384 – 399.
6. *B. Holden. The Nature of Democracy.* L.: Nelson, 1974.
7. *F.A. Hayek. The Road to Serfdom.* L.: Routledge and Kegan Paul, 1944.
8. *F. A. Hayek. Liberalism: The Principles of a Liberal Social Order // A. Crespigny and J. Cronin, Ideologies of Politics.* Cape Town, Oxford: Oxford University Press, 1975. P. 55 – 78.
9. *G. Kateb. Utopia and its Enemies.* L.: Collier-Macmillan, 1963.
10. *M.J. Lasky. Utopia and Revolution.* Chicago: University Press, 1976.
11. *C.B. McPherson. The Life and Times of Liberal Democracy.* Oxford: University Press, 1977
12. *K. Munnheim. Ideology and Utopia.* L.: Routledge and Kegan Paul, 1936.
13. *R. Nozick. Anarchy, State and Utopia.* Oxford: Blackwell, 1973.
14. *J.P. Plamenatz. Democracy and Illusion.* Oxford: Blackwell, 1975.
15. *Plato Today.* L.: Allen and Unwin, 1937.
16. *K. Popper. The Open Society and Its Enemies, Vol. 1.* L.: Routledge and Kegan Paul, 1962.
17. *P. Ricoeur. Lectures on Ideology and Utopia.* N.Y.: Columbia Univ. Press, 1987.
18. *L. Schapiro. Totalitarianism.* London: Macraillan, 1972.
19. *W.J. Stunkiewicz. Aspects of Political Theory.* L.: Collier-Macmillan, 1976.
20. *J.L. Talmon. The Origins of Totalitarian Democracy.* N.Y.: Praeger, 1960.

21. *J.L. Talmon*. Political Messianism: The Romantic Phase. L.: Seeker and Warburg, 1960.
22. *Keith Taylor*. Henri Saint-Simon (1760 – 1825). L.: Croom Helm, 1975.
23. *Ch. Walsh*. From Utopia to Nightmare. L.: Allen & Unwin, 1962.
24. *С. Лем*. Фантастика и футурология. Пер. Е.П. Вайсброта. Т. 2. М.: АСТ, 2004.
25. *К. Манхейм*. Пер. М.И. Левиной // К. Манхейм. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 7 – 276.
26. *Д.Е. Мартынов*. Ситуационный подход в контексте философии и методологии исторической науки // Ситуационные исследования. Вып. 1: Ситуационный подход. Казань: КГТУ им. А.Н. Туполева, 2005. С. 96 – 101.